

ПРИНЦИПЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РУССКОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ XIX ВЕКА И СОВРЕМЕННОЕ ИХ ЗНАЧЕНИЕ

З. М. ГАБУНИА,
доктор филологических наук, профессор
КБГУ, г. Нальчик

Лингвистика нашего времени проявляет обостренный интерес к истории науки. Под влиянием новых идей происходит не только переоценка и реорганизация накопленного в продолжении многих веков богатого фактического материала, но и более углубленное его понимание, сведение фактов в единую систему и т.д. Исторический анализ накопленных знаний показывает, что нельзя отбрасывать ничего важного из прежних научных достижений, что для дальнейшего развития науки необходима преемственность и непрерывность. Где бы и в какой форме ни проявлялась эта научная непрерывность, можно заметить, что вновь возникающие концепция, школа, направление формируются на основе научной традиции в ее настоящем виде как результат творческого исследования нового фактического материала и критической переоценки и переосмысления прежних достижений. К сожалению, в современных научных теориях нередко не проводится четкое разграничение между уже известным и действительно новым, отсутствует должная преемственность идей. В связи с этим проведение Миллеровских чте-

ний Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, как нам представляется, обеспечивает прогресс в развитии теоретической мысли и показывает степень своей научной состоятельности в общем уровне исследовательских знаний. Одновременно с высоты современных достижений науки можно дать оценку тому, что выдержало проверку временем и что вошло в золотой фонд отечественной научной мысли.

В ряду выдающихся отечественных кавказоведов второй половины XIX века ярко высвечиваются имена П. К. Услара, Вс. Ф. Миллера, Л. Г. Лопатинского, А. Шёгрена и многих других. Временная дистанция уже определила непреходящее значение их научного наследия, составляющего уникальный вклад в историко-лингвистическое изучение народов Кавказа. Прежде всего, важно подчеркнуть, что русское кавказоведение начального периода представило мировой науке совершенно новые, до этого не известные лингвистические материалы языков Кавказа, которые дали возможность ученым по-новому оценить многие явления и процессы. Применение сравнитель-

но-исторической методики к материалу кавказских языков существенно изменило общую концепцию сравнительно-исторического языкознания, а наблюдения над кавказским лингвистическим ареалом стали, по существу, отправной точкой для создания ареального языкознания. Все это оказало влияние на последующее развитие как русской, так и европейской науки в целом.

Созданные кавказоведами второй половины XIX в. описательные грамматики целого ряда северокавказских языков, равно как и многие работы по истории, этнографии, фольклору, религии, обучению и образованию горцев, до сих пор не утратили своей научной ценности, хотя и отражают лишь начальный период изучения кавказских языков. В современном языкознании неоднозначность оценки их воззрений вызвана недостаточно адекватным пониманием их высказываний и отсутствием всестороннего анализа работ первопроходцев, а также нет полного учета состояния изученности языков Кавказа на тот период. Поэтому, нам представляется, некорректно критиковать за те проблемы, которые в то время остались незамеченными и нераскрытыми.

Например, Вс.Ф. Миллер в то время не смог учесть результаты ареальной лингвистики, которая стала объектом научных исследований через 50-60 лет после его научной деятельности, поэтому незамеченными остались в его грамматике происхождение превербов, система счета и другие вопросы фонетики в осетинском языке в отличие от иранских [1]. Не смог он учесть влияние соседних кавказских языков. Но, думаю, мы не имеем права судить автора. Как известно, история языкознания требует от исследователей рассматривать достижения научной мысли прошлых лет именно в контексте состояния изу-

ченности рассматриваемой проблемы на тот исторический период, а не с позиций сегодняшних достижений.

Ареальная лингвистика объектом научных исследований стала лишь в середине XX века. Тем не менее, привлекает внимание то обстоятельство, что основоположник изучения горских языков Кавказа П.К. Услар уже во второй половине XIX в. признавал перспективным изучение «влияния друг на друга соседних языков». В связи с этим в своих историко-лингвистических исследованиях ученый широко привлекал топонимический материал, понимая ценность топонимики и осознавая необходимость самого тщательного ее анализа, опирающегося не только на этимологию, но и на данные исторические, природные, этнографические, социальные. Для надлежащего всестороннего анализа топонимии той или иной местности требуется указатель не только поселений, но и отдельных частей села и всех мелких пунктов в его районе – полей, холмов, гор, пастбищ, лугов, долин, лесов, урочищ, дорог и др.

Для П.К. Услара наибольшую доказательную силу при определении древней этнической территории имеют лингвистические факты, установленные с помощью комплекса методов и приемов сравнительно-исторического языкознания и типологического исследования языков. Существенную роль в исследовании языкового и этнического субстратов играют ономастические данные, поскольку собственные имена часто оказываются единственными реликтами, свидетельствующими о наличии субстратно-суперстратных отношений в языках древних этносов. В этом отношении особый интерес представляет исследование ученого «О колхах», изданного в 1891 г. В записках «О колхах» П.К. Услар разработал целую методику выявления субстратных явлений в языке.

Его система методических приемов изучения ономастического материала, которая не утратила своего значения и для современных исследований, сводится к следующему:

– во-первых, анализ различных и разновременных топонимических пластов данного региона для установления смены этносов;

– во-вторых, дифференциация топонимических единиц и их структурных типов в данном языке для установления появления другого этноса на данной территории;

– в-третьих, исследование топонимов близкородственных языков;

– в-четвертых, этимологический анализ встречающегося ономастического словаря неродственных языков на данной территории для установления языковой принадлежности этносов, известных по историческим источникам.

Некоторые узловые проблемы исследования ономастического слоя, которые ставил П.К. Услар, как видно, и в настоящее время нельзя признать полностью решенными. Анализируя название «колхи», Услар предполагал, что название это, возможно, дано греками по тому народу, племени, с которыми они встречались на берегу Черного моря. «Должно думать, что так называлось несколько неродственных народов или, быть может, одно племя... что они незаметно слились с другими племенами, или, лучше сказать, были поглощены ими» [2, 396].

Колхи не оставили никаких письменных памятников, но не могли исчезнуть, не оставив следов в языке народа, живущего теперь на территории их страны. Исследователи, по мнению П.К. Услара, прежде всего должны обратить внимание на исторические названия. Изучение географических названий для ученого представляло особый интерес: «...самую занимательную часть

исследования должны составлять собственные названия селений, гор, рек, урочищ и пр. Исследование их раскрывает историю расселения народов» [2, 396].

Особого внимания заслуживает тот факт, что П.К. Услар был против изменений местных названий; каждый пришелец называл местность своим новым названием, притом собственные названия местных обитателей не попадали в географические сочинения классических писателей, «это произвело величайшую путаницу, которую распутать можно только сравнительным изучением кавказской туземной географической номенклатуры» [2, 393].

Горское народонаселение, по данным П.К. Услара, умножалось за счет притока новых этнических стихий... Новые пришельцы, вступая в ущелье сурового Кавказа, как бы отрекались от своего прошлого. На Кавказе искали они лишь свободы, взамен чего подчинялись строгому уставу горской жизни. «Всего без разбору Кавказ принимал к себе, но, раз приняв, не выпускал более никого: не заботясь о прошлом пришельца, будущее его, единожды, заковывал в неизвестную форму» [3, 45]. Подобными историческими причинами объясняет П.К. Услар следы присутствия в древние времена на Кавказе некоторых европейских этнических элементов, имея в виду армянский, грузинский и осетинский. «Но взаимное родство их нисколько не теснее, чем с другими языками того же корня» (т.е. индоевропейского – З.Г.), – заключает ученый [3, 239]. Выдающийся кавказовед был не уверен, «удастся ли на самом Кавказе крепко соединить эти разнородные концы, ссучив их в непрерывные нити, посредством которых связав Европу и Азию» [3, 245]. Он пророчески предвидел, что эти вопросы не скоро разрешатся.

Сказанное выше подтверждает известные факты чрезвычайно интенсив-

ных миграций и переселений этносов на Кавказе на протяжении всей своей истории. В результате непрерывного движения происходило смешение этносов. Это приводило к тому, что одни этносы меняли свой облик, другие растворялись в третьих. Процессы миграции и смешения этносов Кавказа породили уникальную полиэтническую, полиязычную, разнообразную культуру и их ономастический строй. Это то, что мы имеем сегодня, и до сих пор эти вопросы не изучены до конца. В связи с возросшим интересом к проблемам дивергенции и конвергенции языков положения П.К. Услара о принципах ономастического анализа приобретают особую важность.

Подобные изменения привели к кардинально новому взгляду на природу ареальной типологии кавказских языков. Миграции и перемещения различного населения создали сложную и пеструю картину языковых контактов, которые способствуют постепенному возникновению общекавказского ареального языкового фонда. В первую очередь, это подтверждается на материале древнейших терминов материальной культуры; ср.: осет. *дзыллаэ*, каб.-черк. *джьылэ*, адыг. *чыла*, абх. *аждла*, *ажвлар* – «общество, население, народ, род, семья»; осет. *наэзы*, абх. *амза*, *амзара*, каб.-черк. *мэз*, адыг. *мэзы* – «сосна, сосновый бор, лес»; осет. *зæтхæ*, каб.-черк. *заантх* адыг. *зэнтхъ*, а также авар. *нихо*, *нехо*, лакск. *нежъа*, арч. *нихIа*, дарг. *нехъя* – «овес»; осет. *хуасæ*, каб.-черк. *хушхъуэ*, адыг. *фышхъхо*, абх.-абаз. *ахушв*, *ахъусхъуа* – «лекарство», а также как «трава» встречается в абхазском и мн. др. Материалы свидетельст-

вуют о том, что история человеческого общества с присущими ей диалектическими изменениями включает сложнейшие моменты взаимодействия и напластования, получающие свое оформление как в их внешнем облике, так и во внутреннем содержании изучаемого явления – в языке, в материальном и духовном творчестве, что требует учета социальной обусловленности их развития и перспективности.

Анализ показывает, что для современной ареальной лингвистики кавказских языков характерна, как нам представляется, глоттогоническая конвергенция, где различаются контактная конвергенция и субстратная конвергенция, причем, оба вида конвергенции могут совмещаться на разных этапах контактирования языков. Иначе говоря, взаимодействие языков Кавказа носит, с одной стороны, адстратно-субстратный и субстратно-адстратный характер, с другой – адстратно-инстратный. Положение П.К. Услара о необходимости комплексных исследований становится основополагающим в гуманитарной науке начала нового тысячелетия.

Сегодня довольно очевидным представляется то, что изучение процесса языковых контактов включает не только анализ соответствующих фактов, определяющих принцип развития языка, но и учета того значения, которое имеет их изучение для научной истории языка, для выяснения исторических взаимоотношений между народами Кавказа, а параллели дают основание говорить об их взаимовлиянии, о сродстве, приобретенном в результате их длительных контактов. Изучение ареальных взаимоотношений языков Кавказа еще ждет своего исследователя.

1. Миллер В.Ф. Язык осетин. М.–Л., 1962.
2. Услар П.К. О колхах // ЭКОРГО, XIV. Вып. 2. Казань, 1891.
3. Услар П.К. Письма к А.П. Берже // ССКГ, Вып. XI. Тифлис, 1881.